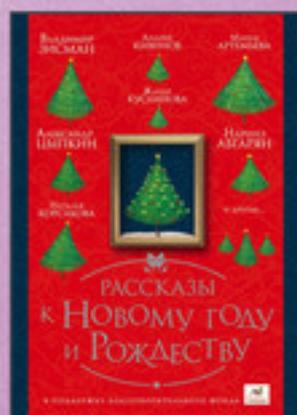

Мария Артемьева

Майка и Тасик

*Часть сборника
Рассказы к Новому году и
Рождеству (сборник)*

Мария Артемьева

Майка и Тасик

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Артемьева М.

Майка и Тасик / М. Артемьева — «АСТ», 2016

«...Хорошее утро начинается с тишины. Пусть поскрипывают сугробы под ногами прохожих. Пусть шелестят вымороженные, покрытые инеем коричневые листья дуба под окном, упрямо не желая покидать насиженных веток. Пусть булькает батарея у стены – кто-то из домовиков, несомненно обитающих в системе отопления старого дома, полощет там свое барахлишко: буль-буль-буль. И через минуту снова: буль-буль... БАБАХ! За стеной в коридоре что-то шарахнулось, обвалилось, покатилося. Тасик подпрыгнул на кровати...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Артемьева М., 2016
© АСТ, 2016

Мария Артемьева Майка и Тасик

Хорошее утро начинается с тишины.

Пусть поскрипывают сугробы под ногами прохожих. Пусть шелестят вымороженные, покрытые инеем коричневые листья дуба под окном, упрямо не желая покидать насиженных веток. Пусть булькает батарея у стены – кто-то из домовиков, несомненно обитающих в системе отопления старого дома, полощет там свое барахлишко: буль-буль-буль. И через минуту снова: буль-буль...

БАБАХ! За стеной в коридоре что-то шарахнулось, обвалилось, покатилося. Тасик подпрыгнул на кровати. Благодушный настрой испарился в одно мгновение. Ворчливый одышливый голосок, как ни в чем не бывало, поинтересовался из коридора:

– Тасик, а ты не брал мои тапочки?

– На черта они мне сдались? – прошептал Тасик. И, почесав впалый живот под свещающейся насквозь застиранной пижамой, зажмурился, почему-то решив, что он еще сумеет уснуть. Надежда была напрасна.

За стеной пыхтело, тужилось, скрипело... И вновь обрушилось с оглушительным грохотом. Тасик застонал:

– Майка, прекрати!

Возня за стеной усилилась.

– Майка, через колено тебя! Прекрати немедленно!!!

Никакого ответа. Сопение, кряхтенье, стук и возня.

Чертыхнувшись, Тасик приподнялся и сел в постели. Помассировал занемевший локоть. Помял коленку. Взъерошил седой ежик на голове. Наконец оторвал костлявую задницу от постели, постоял, согнувшись крючком... Медленно, хрустя суставами, распрямился.

И решительной походкой ржавого циркуля шагнул из спальни:

– Майка! Какого черта ты тут затеяла?

Майка (160–140—160) в цветастом халате, задрав кверху необъятный зад и отвернув в сторону полное лицо, краснея и потея, изнемогала от усилий, правой рукой вытягивая что-то на себя из щели между обувной тумбой и стеной.

– Надо бы прибраться... перед праздниками! – стонала она. – А то как-то... нехо... ро... шо!

Сваленные с вешалки пальто, плащи, шапки, шарфы, зонты, варежки и перчатки большой кучей громоздились рядом, прямо на полу. Что-то за тумбой никак не уступало Майке.

– Та... сик... помо... ги! – попросила Майка.

– Тыщу раз говорил – не называй меня так.

Негнуцимися ржаво-циркульными ногами Тасик подошел к стене и заглянул в щель. Ничего опасного не разглядев, отважно сунулся рукой наугад, ухватил и потащил что-то.

Обувная тумба с натужным скрипом поехала от стены.

– Тасик, что ты делаешь?! – завопила Майка.

– Что ты просила, Майка, то и делаю, – огрызнулся Тасик и, напрягши сухие жилистые руки, покрытые редким седеньким пушком, дернул.

Тумба накренилась, неряшливо раззявив дверцы...

– Тасик, не надо!!!

БДЫЩ! ДРЫНЦ-ТЫНЦ-ТЫНЦ! БУЭЭЭЭ... Вся обувь из тумбы вырвалась на свободу, затопив крохотную прихожую. А дверца оторвалась и острым углом мстительно пригвоздила Тасикову ногу к полу.

Тасик взвыл, согнулся, чтоб пощупать больное место, и ему прострелило спину.

– Еть! Майка!!! Через колено тебя...

– Стой, не двигайся! Ох, горе луковое... Стой, я сейчас! Я бегу-бегу! Ты только не двигайся!

– Да не могу я двигаться! – завопил, раздражаясь, Тасик. – Давай уже действуй!

Толстая короткостриженная седая Майка, подбирая полы халата, начала действовать. Она заторопилась на кухню. Все ее пышные формы заколыхались, заволновались, пришли в движение. Шажок. Еще шажок.

– Да быстрее же, еть твою дивизию!!!

– Бегу, бегу!

Она вправду торопилась: это было написано на ее лице. Мука, разлитая по тугим щекам, и отчаяние в глазах делали ее чрезвычайно похожей на спринтера, с искаженной физиономией пересекающего заветную финишную черту. Вот только расстояние, какое Майке удалось осилить...

– Уауу!!! – взывал Тасик из коридора.

Тюбик с обезболивающей мазью хранился на дверце холодильника в кухне. Кухню отделяли от прихожей ровно пять шагов. Еще три до холодильника. И обратно. Итого шестнадцать.

Майка героически преодолела все расстояние за пять минут. (Обычно она тратила не меньше десяти.)

Но неблагодарный Тасик остался недоволен.

– За смертью тебя посылать, перечница... – ворчал он, вздрагивая всем телом, когда Майка могучей красной лапой щедро разляпывала крем по его поясице.

– Я тебя предупреждала, – невозмутимо ответствовала Майка. – Я же говорила...

– Говорила, еть! Со свету ты меня сживешь. Что это такое?

Обретший свободу Тасик осторожно разогнулся и с изумлением уставился на пыльный, грязный, жеваный лоскут неизвестно чего, зажатый в его руке.

Пронзенный радикулитом, он сначала и позабыл о своей добыче. Тумбу, между прочим, чинить придется... И не кому-нибудь, а ему – Тасику!

– Что это такое?! – грозно сдвинув брови, спросил он.

– Сдается мне, Тасик... что это коврик. Светочка мне подарила... Не помнишь разве? На пятидесятилетие.

Тасик угрюмо помотал головой:

– Тыщу раз говорил – не называй меня так.

– Вот. А я тоже забыла, – не слушая мужа, балаболила Майка. – А тут гляжу – чего у нас моли-то так развелось? Откуда?!.. Нехорошо как-то – перед праздниками... И ты представляешь – вспомнила! Как ты тогда подвыпивши пришел и тумбу задел, горе луковое! А я как раз перед этим Светочкин подарок положила на край. Оно и съехало!

– То есть вот двадцать... Раз, два, три, четыре... Десять... – на пальцах подсчитал Тасик. – Ну да! Двадцать два года! Это дерьмо тут за тумбой валялось...

– Какое же дерьмо? Тасик! Это ж Светочка подарила.

– ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ВАЛЯЛОСЬ! – Тасик поднял очи горé и возвысил голос примерно на октаву: – И ВОТ ТЕПЕРЬ СРОЧНО ТЕБЕ НА КОЙ ХРЕН ПОНАДОБИЛОСЬ?! А?! Ты меня инвалидом сделать хочешь?! Японский городской, еть растуды тебя поленом!!!

Майка не отвечала. Она спокойно пережидала его гнев, скучливо блуждая взором туда-сюда, вверх-вниз... Но вдруг замерла, как охотничий пес, учуявший запах крови:

– Эт-т-то что такое?

– Что? Что? Ты куда смотришь? – всполошился Тасик.

Глаза Майки сузились до состояния амбразурной щели. Тяжелый выдох. Голова ее наклонилась – словно башенка танка навелась на цель...

– Я так и думала! – свистящим змеиным шепотом произнесла она. – МОИ ТАПОЧКИ!!!

Тасик отшатнулся. Обливаясь холодным потом, взглянул себе на ноги. На нем действительно оказались Майкины тапочки – зеленые, с красным мохнатым кантом и помятыми задниками.

Тасик прижался спиной к стене.

– Грязный старикашка! Диверсант! – сказала Майка. И презрительно расстреляв мужа взглядом, ушла.

Глядя, как она колышется в направлении кухни, Тасик с облегчением выдохнул.

– Сама такая! Со своим склерозом! Все забываешь! – крикнул он ей вдогонку.

Майка вздохнула. От ее могучего дыхания взметнулся длинный обойный лоскут, отставший от стены и основательно разлохмаченный.

«Подклеить надо бы», – подумал хозяйственный Тасик. Лоскут болтался здесь уже лет пять, но как-то не очень часто попадался ему на глаза. Что называется, не мозолил. В отличие от Майки. Ох уж эта Майка!

* * *

Гаже бабы, думал Тасик, это еще поискать, да хрен найдешь. Как же он с ней намучился за эти годы! За все последние пятьдесят шесть лет. Уму непостижимо!..

Ветер сотрясал оконное стекло.

Тасик, вздыхая, стоял в кухне и наблюдал, как вспухает на горизонте серая перина огромной тучи, закрывая собой белые кучерявые барашки маленьких облачков и фарфоровую синеву утреннего неба. «Опять дождь. Небось и праздники будут без снега. Вот ведь напасть», – думал Тасик, кушал вареное вкрутую яйцо и вспоминал свои обиды.

...Ведь у них в доме дня не проходило, чтоб что-нибудь да не так! И никакого взаимопонимания. Вот вопиющий случай. В каком же это было году?.. У Светки ее – той самой, будь она неладна, – на именинах. Поехали тогда всем гуртом на генеральскую дачу ее предка. Шашлыки, водочка, то-се... Молодые были: мне сорок три, ей тоже сорок один... Ну что, казалось бы?! Дети подросли. Ванька с Илюшкой в армии, Инеска в институте. Живи – радуйся!

Нет. Эта дурища всю жизнь в комплексах, как муха в паутине.

Тасик даже крякнул от огорчения.

Ну что уж он такого, казалось бы, и сделал?!

Ну всего-то хотел Майку удивить. Насмешить немножко.

Если у этой окаянной бабы и было что хорошее – так это ее смех. Бойкий, всей грудью, открытый, ясный... Как звонкая песня в морозном поле – далеко слышать.

На генеральской даче их поместили во втором этаже – со всеми удобствами: комнатка возле лестницы, рядом – туалет и душ.

Там он и подстерег Майку – на лестнице возле душа. Встал в проеме между лестницей и коридором, руками уперевшись в балки, а ногами в стены – в позе витрувианского человека Леонардо да Винчи. В точности. То есть, значит, абсолютно голый...

Сделал одухотворенное лицо, повернулся в профиль и так замер.

Думал Майку повеселить.

Ага, щас!

На лестнице было темно. Он потом так и не узнал, чем Майка его саданула в солнечное сплетение (сама она утверждала, что рукой. Но разве может женщина РУКОЙ так садануть под дых, чтоб здоровенный мужик упал и сознание потерял на десять минут?!).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.